

Когда Чэнь Цзыму неспешно вернулся в палатку, Вэй Янь сидел за столом, читая книгу. Услышав звук, он лишь мельком поднял голову и тут же опустил её обратно.

— Хочешь попробовать? Говорят, это особый десерт из Цзяннаня. — Чэнь Цзыму проигнорировал его настроение и положил завернутые в ткань сладости рядом с ним.

— Не нужно, тебе подарили — ты и ешь.

Чэнь Цзыму, сдерживая улыбку, проговорил себе под нос:

— Похоже, меня обманули.

Вэй Янь, хоть и был расстроен, всё же беспокоился, что его могли обидеть в армии, и сразу спросил:

— Как? Кто тебя обманул?

— Наставник Чжао явно сказал мне, что передача мелочей и сувениров в армии не является нарушением дисциплины. Почему же ты, генерал, всё ещё сердишься на меня?

— Не сержусь. — Вэй Янь произнес это немного напряжённо, но не удержался и спросил, словно между прочим:

— Ты в последнее время, кажется, хорошо ладишь с тем младшим учеником дядюшки Чжао?

— Да. Не смотри, что Эрфу вечно шутит и смеётся, но за работу он берётся серьёзно. К тому же он быстро учится. Я объясняю ему рецепты и точки акупунктуры, и он запоминает их с первого раза. Наставник Чжао надеется, что я смогу научить его некоторым методам детоксикации и иглокалывания.

Чэнь Цзыму не врал Вэй Яню. Чжао Эрфу оказался умнее, чем он ожидал.

Даже если бы наставник Чжао не сказал, он сам планировал обучить врачей в армии некоторым техникам. Большинство врачей в медицинской палатке специализировались на лечении травм, что было естественно, но в этой войне ситуация была сложной: несколько сторон боролись друг с другом, и подготовка врача, знающего толк в детоксикации, была крайне необходима.

Военные дела были важнее всего, и, выслушав Чэнь Цзыму, Вэй Янь больше ничего не сказал, лишь предупредил:

— На улице холодно, в следующий раз возвращайся пораньше, чтобы не замёрзнуть.

— Зима здесь действительно долгая. Только что я нёс эти сладости, и руки до сих пор замёрзли.

Вэй Янь вздрогнул и тут же взял руки Чэнь Цзыму, спрятанные в рукавах и уже посиневшие от холода, в свои ладони. Только сейчас он заметил, что Чэнь Цзыму, вернувшись с улицы, был весь в холоде, ранее слишком увлечённый своими эмоциями.

По сравнению с руками Чэнь Цзыму, ладони Вэй Яня были очень грубыми из-за долгого владения оружием, с множеством мозолей. Но тепло быстро разогнало холод, и даже на щеках Чэнь Цзыму появился лёгкий, едва заметный румянец.

Этот жест был настолько интимным, что граничил с нарушением приличий, но Чэнь Цзыму совсем не хотел отстраняться.

Между ними царил приятная атмосфера, но Вэй Янь всё ещё думал о том, что они проводят всё меньше времени вместе, и вдруг выпалил:

— Ты в последнее время почти всегда в медицинской палатке. Похоже, если я хочу тебя видеть чаще, мне нужно серьёзно раниться.

Как только слова слетели с его губ, он понял, что совершил ошибку. Чэнь Цзыму тут же выдернул руки и холодно посмотрел на него:

— Вэй Янь, разве это подобает говорить великому генералу Чжэньбэй?

— Прости... Я не это имел в виду. — Наконец он нашёл в себе силы ответить.

— Как генерал, несущий миссию Жаньин и доверие всей армии, как ты мог сказать такие безответственные слова? Ты понимаешь, что значит, если ты серьёзно ранишься?

Серьёзное ранение командира подрывает боевой дух всей армии и почти всегда предвещает поражение.

Вэй Янь окончательно замолчал. Он понимал, что совершил большую ошибку. Забыть о долге ради личных чувств — это серьёзный проступок в армии, и тут нечего оправдывать.

— Генерал, время пришло. — Снаружи раздался голос охранника, нарушивший напряжённую атмосферу в палатке.

Сегодня как раз была очередь Вэй Яня дежурить, и он, смущённый, поспешно попросил Чэнь Цзыму пораньше лечь спать и покинул палатку.

Вэй Янь даже забыл взять плащ, и, выйдя на холод, он наконец остыл.

Его гордость — самоконтроль — давно исчезла перед тем, кого он любил. Если бы это было раньше, Вэй Янь никогда бы не подумал, что будет так сильно привязан к кому-то, что потеряет рассудок и скажет такие слова.

На самом деле, поняв свои чувства, он не раз думал о том, чтобы признаться Чэнь Цзыму. Ревность, беспокойство — всё это было из-за неуверенности в этих чувствах. Если бы они могли раньше понять друг друга, это было бы лучше, чем постоянно гадать в одиночку.

Но Вэй Янь видел, что Чэнь Цзыму ждал подходящего момента, чтобы завершить свою миссию и раскрыть свою личность.

Поэтому он тоже ждал. Его не волновало, кем на самом деле был Чэнь Цзыму или с какими целями он к нему приблизился. Но он надеялся, что их взаимопонимание не будет основано на лжи.

Однако в последнее время он понял, что влияние Чэнь Цзыму на него становилось всё сильнее. Тот был прав: как генерал Чжэньбэй, он не должен был говорить такие безответственные слова ради личных чувств. Похоже, ему нужно было остыть на некоторое время...

Вэй Янь дежурил до утра следующего дня. По армейским правилам, те, кто дежурил ночью, независимо от звания, не должны были участвовать в утренних тренировках. Он планировал

вернуться в свою палатку, чтобы отдохнуть, но вместо этого направился в другую сторону.

— А-Янь, почему ты пришёл в такое время? — Ли Ту, который как раз собирал вещи в своей палатке, был сильно удивлён внезапным появлением Вэй Яня. — В армии что-то случилось?

— Нет, я пришёл к тебе отдохнуть. Ты это... собираешь вещи, чтобы переехать к Ишую?

Пойманный на месте, Ли Ту смущённо почесал голову:

— Да. Ишуй ведь... рана ещё не зажила. Я переезжаю, чтобы удобнее было за ним ухаживать.

— Ты должен знать, что при состоянии Ишуя он уже может подать рапорт о возвращении в гарнизон Чаньюй или на родину для лечения. — Вэй Янь не должен был вмешиваться, но оба они были его ближайшими помощниками, а также друзьями детства. Каким бы ни был итог, он хотел, чтобы они осторожно подходили к этим сложным чувствам.

— Я знаю, но до дома Ишуя далеко, а в Чаньюй у него нет родных. Оставаясь в армии... по крайней мере, я могу за ним ухаживать.

Вэй Янь вздохнул:

— Это тоже моя вина. В тот день мне не следовало миновать Ишуя и открывать тебе его чувства. Если ты испытываешь к нему только благодарность или братские чувства, тебе не стоит так сближаться с ним сейчас. Ишуй уже решил не обременять тебя, а ты даёшь ему надежду, чтобы потом разрушить её, это слишком жестоко.

— А-Янь, я тебе очень благодарен за то, что ты сказал мне правду и не дал мне продолжать выглядеть глупцом, пребывая в заблуждении. — Ли Ту часто вспоминал о доброте Люй Ишуя, о том, как тот писал простые слова на небесном фонарике.

Воспоминания о прошлом вызывали в нём боль. Он не мог представить, как Люй Ишуй бережно хранил свои чувства, защищая его.

В конце он сказал Вэй Яню:

— Мне нужно время, чтобы разобраться в себе, но я могу тебе обещать, что я больше тебя не хочу видеть Ишуя несчастным.

— Хорошо, подумай об этом. В любом случае, не делай того, о чём потом пожалеешь.

Ли Ту согласился, собрал вещи и, уходя, вспомнил, что Вэй Янь говорил, когда заходил:

— Постой, ты пришёл ко мне отдыхать, потому что поссорился с господином Чэнем?

— Нет. Просто хочу немного остыть в одиночестве.

«Остыть на несколько дней» — для прямолинейного Ли Ту это звучало как ссора. Он подумал и смущённо сказал:

— Господин Чэнь, он хороший человек. А-Янь, не обижай его...

— Ты быстро перешёл на другую сторону. — Вэй Янь усмехнулся, но объяснить Ли Ту, что в любви не всё так просто, было сложно. — Ладно, всё не так, как ты думаешь. Я поживу у тебя несколько дней, иди и ухаживай за Ишуйем.

— Говоришь, не поссорились, а уже съехал. — Ли Ту пробормотал себе под нос, но больше не стал говорить и, взяв сумку, ушёл.

Автор хотел бы сказать:

(Спойлер) Генерал ревнует, принц тоже злится, поэтому они будут ссориться пару глав.

Но не чувствуете ли вы, что они уже скоро будут вместе?

<http://bllate.org/book/17724/1656784>